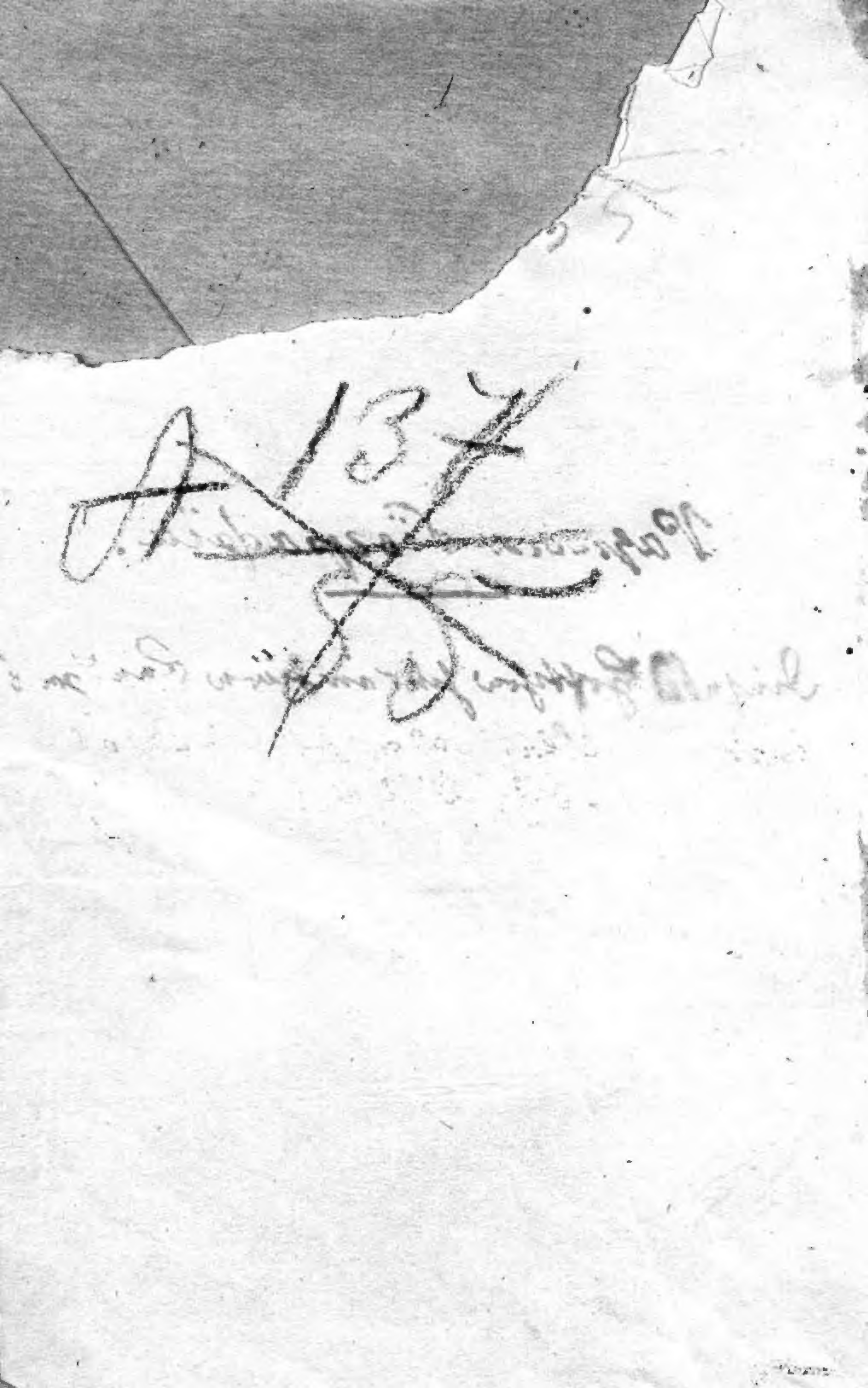

A 137

КРАТКАЯ ПОВѢСТЬ

О

СМЕРТИ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ИМПЕРАТОРА РОССІЙСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

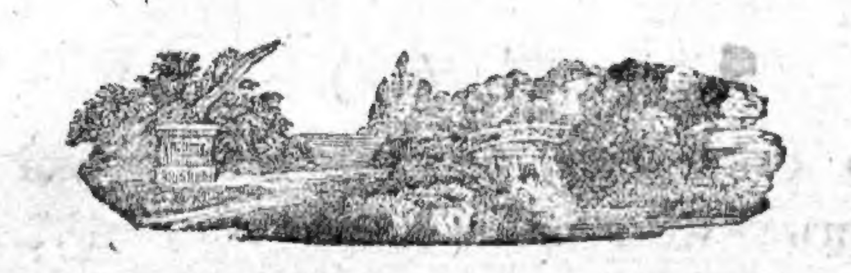
1819.

Изъ журнала древней и новой словесности.

Разные

Біографіи.

Оглавление.

О СМЕРТИ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

ИМПЕРАТОРА РОССІЙСКАГО,

КРАТКАЯ ПОВѢСТЬ (*).

Да тщательно и вѣрно смерть нашего Монарха изъявимъ, о чемъ никогда довольно плакатися не можемъ;

(*) Повѣсть сія, сочиненная извѣстнымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, получена мною отъ А. И. Сулакадзева, собирающаго съ великимъ стараніемъ рукописи, касающіяся до Россійскихъ древностей. Она была напечатана 1725 года въ СПБ. въ 4 д. л. и въ Москвѣ 1726 года. Потомъ переведена самимъ сочинителемъ на Латинскій языкъ и издана вмѣстѣ съ надгробными словами 1726 года въ 4 д. л. въ Ревелѣ, подъ названіемъ: *Lacrimae Roxolanae*, и того же

сего отъ насъ величество мужа требуетъ: ибо таковыхъ людей, которыхъ житіе намъ во удивленіе было; какова и смерть имъ приключилась, всячески природнымъ любопытствомъ вѣдать ищемъ и желаемъ. Понуждаетъ къ сему и то, что о семъ несовершенныя повѣсти, отъ иностранныхъ печатныя, произошли: какъ оныя много отъ сущей истинны отстоятъ; понеже составлены изъ реляцій куріозныхъ, и совершеннаго извѣстія о семъ не имѣющихъ людей начало свое имѣютъ:

года въ Гамбургѣ на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ порознь, въ 4 д. л. а въ 1743 году Архимандритомъ Давидомъ Нащинскимъ въ 3 разъ напечатана между Латинскими Прокоповичевыми проповѣдями. (См. Слов. Истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской церкви. ч. 2. стр. 684). Сочиненіе сіе весьма рѣдко; ибо после изданія напечатаннаго уставомъ въ 1726 году и находящагося, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ только монастырскихъ библіотекахъ и у весьма не многихъ частныхъ любителей Россійскихъ древностей, никогда болѣе на отечественномъ языкѣ напечатано не было.

Издатель.

що понуждаютъ насъ, дабы мы, какъ самовидцы-свидѣтели, которымъ все сїе извѣстно есть, истинную повѣсть написали, которую, свидѣтельствующей намъ совѣсти нашей, никаковымъ работствуя страстемъ, прямо, какъ дѣлалось, предложимъ.

Болѣзнь, которою Петръ Великїй, безсмертнѣ жить достойный, умученъ преставился, была отъ воданаго запора, съ жестокимъ удрученїемъ и понужденїемъ частымъ. Еще въ концѣ прошлаго 1723 (*) года такъ недомогать началъ; и желая досады оной избыть, къ Марцїальнымъ водамъ, на Олонецъ, (куда и прежде сего случая прїѣжжалъ) въ надходящее время весенное 1724(**) года воспрїять путь изволилъ. Но не было столько силы въ врачебныхъ водахъ, сколько требовала лютость болѣзни его. Мало бо нѣчто отъ оной немощи полегче, а не весьма освобожденна себя

(*) ҂аѰкг (**) ҂аѰкд.

быть признавалъ Монархъ. И когда въ Москвѣ послышалъ, (куда ради коронаціи супруги своей, Государыни Императрицы прибылъ) что иныя таковаго же дѣйствія воды въ заводахъ желѣзныхъ, въ растояніи отъ Москвы въ 90 (*) верстахъ, сысканы; то ко онымъ походъ имѣлъ въ началѣ лѣта. И чрезъ нѣсколько дней употреблявъ, такъ себя возмнилъ быть здравымъ, что и вину немощи весьма искорененну быть подумалъ. Но не сходно оное мнѣніе его было съ здравія состояніемъ, и немощь не весьма отошла, но на время утаилася, какъ послѣ самое дѣло показало.

Ибо какъ скоро послѣ изъ Москвы въ Петербургъ прибылъ; болѣзнь оная, скорымъ въ пути поспѣшеніемъ возбужденная, почала обновляться; хотя временно и утолялась, и будто нѣчто отраднѣе бывало. Такъ въ скор-

---

(*) ч҃.

би оной, инное время лучше, а инное хуждше съ нимъ дѣлалось; и въ начатомъ 1725 (*) году, Генваря въ 16 (**) день, смертоносную силу возъимѣла болѣзнь. И такая начала быть трудность въ испражненіи воды, которая часто напиралась, что за прелютѣйшую рѣзь, терпѣливый и великодушный въ инныхъ случаяхъ мужъ отъ вопля не могль себя удержать, и сколь жестока болѣзнь оная была, самъ онъ предъ всѣми тамо бывшими философскимъ подтвердилъ словомъ: самъ сказывалъ, что изъ меня-де можно познать, коль бѣдное животное есть человѣкъ смертный. Не много всѣ усумнѣвалися, что неисцѣльная есть и смертная язва; но самъ первѣе, ощущая въ себѣ безпрестанныя и часъ отъ часу большія болѣзни, понеже былъ въ анатоміи искусенъ, вѣдая, что во внутреннихъ сво-

---

(*) ҂аѱке. (**) ѕі.

ихъ дѣлается, о своемъ житіи сталъ быть безнадежденъ, и не утаилъ своего мнѣнія; ибо скоро велѣлъ, по обычаю, въ палатахъ своихъ церковь постановить, литургисанія ради святыя эвхаристіи, и грѣхи своя Богу предъ священникомъ исповѣдавъ, тайныя вечери Спасителя нашего благоговѣйно причастился.

Между тѣмъ докторы (медики), сколько ихъ на тотъ часъ обрѣталось въ Санктпетербургѣ, кромѣ единаго подагрою удержаннаго, на совѣтъ созванные, между собою разсуждали, естьли какая въ больномъ тѣлѣ, такожъ и въ искуствѣ ихъ надежда здравія; и хотя отчаянія знаковъ ни какихъ не показывали; однако не тайно было, что совѣта и надежды всякой лишены стали. И извѣстнѣе показывало немощнаго состояніе, чего уже было надѣятися, нежели ихъ сумнительство, въ которомъ вся сила такъ ослабѣла, что хотя болѣзнь часъ отъ часу больше и больше му-

чила; однакожъ уже и вопить перестал: только во время испражненїя воды тяжестно громѣлъ, а кромѣ того непрестанно стопалъ.

И уже во всемъ дому не ино что, токмо печаль общую видѣть было и слышать. Отъ чина Сенаторскаго, въ началѣ немощи оной, по три, или по четыри поперемѣнно дневали и ночевали; а въ ту пору вси до единаго сошлися: такожде и отъ Синода Архїереи и Архимандриты, дабы умирающаго наставлять и утверждать было кому, бодрствовали: тутъ же и Фельдмаршалы и Лейтенанты и Маїоры Генералы, отъ гвардїи Штапъ и Оберъ-Офицеры, и отъ Коллегїй члены первѣйшїе, и иные изъ дворянства знатные присутствовали; словомъ сказать, множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей, палаты наполняло. И въ таковомъ многолюдствїи не было ни единаго, кто вида печали на себѣ не имѣлъ бы: иные тихо слезили, иные съ стена-

нїемъ рыдали, иные молча и опустясь, аки бы въ изумленїи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печали, по разности чаю натуръ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и единъ такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толикаго Государя, Героя и отца отечествїя.

Печаль же болѣзни самой Государыни изобразить словомъ невозможно! Всѣ виды страждущихъ и болѣзнующихъ въ ней единой смѣшанные видѣть было: ово слезы безмѣрныя, ово нѣкакое смутное молчанїе, ово стенанїе и воздыханїе; временемъ слова печальныя проговаривала, но честныя и приличныя, иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разнообразно страждущи, день и нощь мужеви больному присѣдѣла и отходить не хотѣла; развѣ когда самаго его приказомъ, дабы себя въ конецъ не сокрушила, принужденная опочить отходила: чѣмъ, по истиннѣ, великую любовь

свою Монархъ, при кончинѣ жизни, дражайшей супругѣ своей свидѣтельствовалъ. А се и мудрость свою означилъ: когда дочери его дѣвицы въ комнату, гдѣ лежалъ онъ, войдтить хотѣли; тотчасъ уступить велѣлъ, чаю опасаясь, дабы и своей себѣ болѣзни не умножить, и ихъ въ большее изнеможенїе не ввесть.

И сїе надлежитъ сказать, каковое попеченїе, по обычаю Христїанскому, о душѣ умирающаго было, и въ какомъ чувствѣ благочестїя Монархъ нашъ скончался. Какъ скоро извѣстно стало, что тяжестною немощїю Государь болѣнъ; тотчасъ изъ Синода по всѣмъ церквамъ въ городѣ, и по ближнимъ около города мѣстамъ, о исцѣленїи его повелѣно публично молебствовать. Государь самъ, желая подвигнуть къ умилостивленїю къ себѣ Господа всѣхъ, во всемъ государствѣ, въ словѣ и дѣлѣ Государсвомъ, въ похищенїи казны, въ долгахъ государственныхъ и въ про-

чемъ виноватыхъ (выключивъ обиды персональныя) изъ тюремъ, изъ каторгъ выпустить и отъ казней свободить указалъ. О исповѣди и причащенїи тѣла и крови Господни уже выше отъ насъ воспомянуто. Въ 26 (*) день Генваря, когда тяжелѣе предъ прежднимъ началъ изнемогать; Синодальные Архїереи и Архимандриты, и другїе тогда случившїеся, обычное надъ болящимъ моленїе совершили и святымъ елеомъ помазали его.

Въ 27 (**) день Генваря, въ исходѣ втораго по полудни часа, Государь весьма оскудѣвать и къ кончинѣ приближаться началъ. Тотчасъ призваны два Архїереи, Псковскїй и Тверскїй, и Чудова монастыря Архимандритъ, къ увѣщеванїю и утвержденїю умирающаго. И когда Государь, жесточайшею и неудобьвѣроятною болѣзнїю мучился; думали, что едва помановенїемъ на увѣ-

(*) кг. (**) кз.

щанїе можетъ отвѣщать; но онъ сильное весьма и живое благочестїя чувствїе въ себѣ показалъ. Ибо когда единъ отъ увѣщателей о смерти Христовой, и что оною намъ прїобрѣтено, воспомянулъ, и сказывать началъ, что пришло время, въ кое подобаетъ ему едино сїе разсуждать къ пользѣ своей, о чемъ онъ самъ прежде прочїимъ сказывалъ; (ибо онъ о благодатномъ чрезъ Христа грѣшныхъ оправданїи довольно предъ другими бесѣдовалъ) тотчасъ, аки бы возбужденъ, силиться вставать началъ, и мало отъ служителей приподнятъ, очи и руки горѣ, колико моглъ, вознося, засхлымъ языкомъ и помѣшанными рѣчьми сїя слова сказалъ: «то-де едино есть, что жажду мою утоляетъ, едино то услаждаетъ меня.» Прежде бо того увѣщанїя засхлыя уста, что часто дѣлалъ, питїемъ промачивалъ, и къ тому творя приличїе, сїя слова сказалъ, которыя и не однократно повторилъ. И когда увѣщатель го-

ворилъ ему: уповалъ бы онъ безъ всякаго сумнительства на милосердіе Божіе, вѣрилъ бы, что подается отпущеніе грѣховъ и благодать жизни вѣчныя заслугами Христовыми; онъ на сіе: вѣрую и уповаю, нѣсколько кратно повторилъ, и когда еще увѣщатель къ молитвѣ вѣры возбуждалъ и сказывалъ сія слова, которыя обыкновенно у насъ приступающіи ко святому причащенію говорятъ: вѣрую Господи и исповѣдую, яко ты еси воистинну Христосъ сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ; къ сему онъ прибавилъ: вѣрую Господи и исповѣдую, вѣрую Господи, помози моему невѣрію! И сіе все, что весьма дивно, со умиленіемъ, лице къ веселію, елико моггъ, устроевая, говорилъ. Между тѣмъ ослабѣвъ и опустяся, на прочее, что ему во утвержденіе предлагаемо было, то помавая, то возносяя руку, то къ персямъ прикладывая, отвѣтствовалъ.

И уже казалось, что кончится. Слыша сїе Сенаторы и Генералитетъ, и иннаго чина народъ въ комнату входить и руку Государеву съ плачемъ и хлипанїемъ цѣловать начали. Лежалъ онъ молча, и всѣхъ приходящихъ взглядомъ привѣтствуя; потомъ же сїе не безъ труда проговорилъ послѣ: свободится ли отъ стуженїя? (малую бо комнатку множество людей наполнило). Тѣмъ словомъ покоя ли требовалъ, или о времени смерти слѣдующемъ говорилъ, про то неизвѣстно: и такъ всѣ изъ комнаты вышли.

Толикая же и тогда еще крѣпость въ тѣлѣ его была, что хотя и по вся минуты казалось, что кончится; однако до пятинадесяти часовъ боролся съ смертїю, и хотя ничего не говорилъ, только безпрестанно стоналъ и руку правую (понеже между тѣмъ лѣвая параличемъ отнята, ничего не дѣйствовала) на сторону метталъ; однако когда увѣщатель при-

ступалъ, что между временемъ дѣлалося, и суету міра, вѣчное грядущее блаженство и цѣну, чѣмъ оное купуется, крови Сына Божїя воспоминалъ; будто съ силою собравшись, встать и рукою крестное знаменїе изобразить, или на небо показывать понуждалъ себѣ, и что весьма удивительно было, стенанїя своя въ гласъ радостный претворять, и лицемъ веселымъ показывать себя, и увѣщателя обнимать силился. Между тѣмъ пришелъ Троицкїй Архимандритъ и докладывалъ Государю, не поволитъ ли повторительно таинъ святыхъ причаститися, и буде поволитъ, приподнялъ бы руку и показалъ; тотчасъ руку вознесъ, и повторительно Божественныя евхаристїи сподобился. И не переставали послѣ сего увѣщатели по очередно его утѣшать и утверждать; и онъ такожде помановенїемъ соизволенїе свое показывать не преставалъ. Въ четвертый же часъ по полуночи на

силу могль двигаться и весьма оледѣневать началъ. Тогда Тверскій Архіерей, повторяя во уши ему благочестивыя увѣщанія, на исходъ души умирающаго обычайныя молитвы прочиталъ; а Государь, когда стонать и дыхать уже пересталъ, въ сумнѣніе всѣхъ тамъ бывшихъ привелъ, живъ ли еще, или умеръ; и не такъ скоро могли увѣдать о кончинѣ его, какъ онъ скоро скончался. И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли; сама Государыня отъ сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когдабъ не поддержана была, упала бы: тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и ни кого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться.—Что же и послѣдствовало въ нуждахъ отечествія, и сіе показать нашего званія есть. Вчера ввечеру Синодъ и Сенатъ приговорили, что ежели Божіимъ изволеніемъ толикаго Отца лишитися случится; тотчасъ

бы на едино мѣсто въ палатахъ царскихъ собратися и все, что ни надобѣ къ безопаству и тишинѣ народной, первѣе бы усмотрѣть и устроить, нежели народу о смерти Государевой извѣщено будетъ. Такъ и сдѣлалось: тотчасъ по оной печальной вѣдомости Сенаторы всѣ, и отъ Синода четыри персоны, сколько на тотчасъ во дворцѣ почевало, а кромѣ тѣхъ и Генералитетъ и нѣцыи изъ знатнѣйшаго шляхетства въ едину компату въ палатахъ собрались, и прежде всего о наслѣдницѣ произошло слово. Многіе говорили, что скипетръ ни кому иному не надлежитъ, кромѣ ея Величеству Государынѣ, какъ и самою вещію Ея есть, по силѣ совершившейся недавно Ея Величества коронаціи. Нѣцыи же разсуждати почали, подаетъ ли право такое коронація; когда и въ прочихъ народахъ Царицы коронуются, а для того наслѣдницами не бываютъ. Но тогда нѣкто воспомя-

нулъ, съ какимъ намѣренїемъ Государь супругу свою короновалъ; то есть еще прежде похода Персидскаго открылъ онъ мысль свою четыремъ изъ министровъ, двоимъ изъ Синода персонамъ, здѣсь присутствующимъ, и говорилъ, что тая нужда короновать ему супругу свою, (котораго обычая прежде въ Россїи не бывало) что аще бы какимъ случаемъ его не стало; праздный престолъ тако безъ наслѣдника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущенїй благовременнѣе пресѣчена быть могла бы. О таковомъ намѣренїи покойнаго блаженныя памяти Императора оный нѣкто воспомянувъ, слался на свидѣтельство слышавшихъ оное Государево слово, и здѣ присутствующихъ: что единъ первѣе ясно подтвердилъ, таже и прочїе засвидѣтельствовали. И тако безъ всякаго сумнительства явно показалося, что Государыня Императрица державу Россїйскую наслѣдствовала, и что

це елекція дѣлается, понеже прежде уже наслѣдница толь чинно и славно поставлена: чего для, дабы и конгрессъ тотъ не елекціею, но декляраціею названъ былъ, согласно всѣ приговорили. Тотчасъ и декляраціяя, которую бы всенародно публиковать и по провинціямъ разсылать, написана и всего конгресса руками закрѣплена, въ которой, извѣстивъ о смерти Государевой, отъ Сената и отъ Синода, такожде и отъ Генералитета объявляется, что Екатерина Императрица владѣетъ, и что вси Ея Величеству вѣрность и всякое послушаніе чинити должни. И тако вси къ поздравленію Ея Величества, въ комнату тѣлу умершаго Государя близкую пришли: куды когда такожде и Государыня изволила выйдтить; просили Ея Величество, дабы бремя государственнаго владѣнія, которое Богъ и супругъ ей вручили, дѣйствительно принять изволила. Но Государыня сокрушенна печалію, и не-

утомимо плачущая, не могла почти словесно отвѣтствовать; только, не возбраняя руки цѣлующимъ, соизволенїе свое показала. И такъ все сїе дѣло великаго и всещедраго Бога милостїю въ единомъ часѣ совершилось.

Скоро и день насталъ, Полки, сколько ихъ ни было въ Санктпетербургѣ, отъ своихъ командировъ, по разнымъ въ городѣ мѣстамъ, извѣстїе о смерти Государевой съ великимъ воплемъ и плачемъ получили; и тогожъ дня указомъ Императрицы Государыни заслуженное жалованїе имъ выдано.

Тогожъ дня Генералъ - Маїоръ Иванъ Дмитрїевъ Мамоновъ съ декляpацїею въ Москву посланъ, и на него, купно съ тамопребывающимъ Сенаторомъ Графомъ Матвѣевымъ, возложено, дабы тамъ все тихомирно за ихъ присмотромъ было. И естьли бы гдѣ нѣчто мятежное послышали; благовременно бы смиряли и укрощали: но и такъ все смирно было. Когда

же возбужденный печальнымъ звономъ, народъ, въ первенствующую церковь безчисленнымъ множествомъ совокупился, и изъ чтомой деклараціи услышалъ о смерти Государевой; таковые подиялъ вопли, что на силу оные утолити возможно было къ слышанію всея деклараціи.

Вскорѣ потомъ написали форму, по которой бы всѣ подданные присягали на вѣрность и послушаніе Ея Величеству; напечатана же тотъ часъ, и во всѣ государства провинціи послана. И такъ не умедля вездѣ всякаго чина люди (кромѣ крестьянъ, которые между штатомъ не счисляются) по оной формѣ присягу чинили.

За благо судится намъ и о погребеніи, чинѣ и церемоніяхъ погребальныхъ нѣчто сказать. Въ томъ же прежде реченномъ конгрессѣ отъ всѣхъ прошенъ былъ Генералъ Фельцеймейстеръ Сенаторъ и кавалеръ Графъ Яковъ Брюсъ, дабы принялъ

на себя трудъ о устроенiи погребенiя Императорскаго, и принадлежащаго къ тому, по обычаю прочихъ въ Европѣ государствъ. И Его Превосходительство получивъ себѣ въ помощь Господина Генерала Бона, и выбравъ угодныхъ къ тому дѣлу управителей и прочихъ помощниковъ, такожъ и вся къ тому нужная изготовивъ и мастеровъ разныхъ художествъ созвавъ, со всякимъ тщанiемъ ему врученное дѣло производилъ и исполнялъ, Какимъ же образомъ сдѣлано все и устроено было; порядку предлагаемъ.

Въ тотъ же самый день, въ который Государь преставился, церковь изъ большой салы въ другую меньшую вынесена, и при первой стѣнѣ въ прежде реченной большой салѣ мѣсто, ради положенiя тѣла, уготовано таковымъ образомъ: сдѣланъ былъ, на нѣсколько ступеней высотою, амбонъ довольно пространный, кото-

рый укрытъ былъ кармазиннымъ бархатомъ и золотыми коврами; на томъ амбонѣ поставленъ одръ, золотою парчею постланный, подъ зѣло богатымъ балдахиномъ. Прочїя стѣны въ той же салѣ преизрядными шпалерами, на которыхъ нѣкая чудеса Христова зѣло искусныиъ мастерствомъ истканы были, украшены; но на малое время токмо, понеже скоро потомъ черныиъ сукномъ все убрано было. Поставлены были статуи, добродѣтели умершаго Монарха изображающїя; такожде и пирамиды, на которыхъ главнѣйшїя дѣла его написаны были: написаны были и государственные и провинцїальные гербы, и множество свѣтильниковъ, и на павиментѣ стоящихъ, и отъ свода висящихъ, и къ стѣнамъ пристроеныхъ, оную палату украшало.

На утрешній день, тѣло Его Императорскаго Величества, предъидущимъ Архїереомъ, Архимандритомъ и прочимъ священнаго причта, послѣдующей же Государыни съ фамиліею, и по нихъ Сенату и прочимъ высокихъ ранговъ особамъ, при великомъ собраніи народа въ большую салу внесено и на вышереченномъ одрѣ положено. Но когда только сіе народъ увидѣлъ; таковый вси подняли плачь и вопль, что церковнаго пѣнія слышати весьма не можно было. Положенну тако сущу тѣлу Его Величества, позволенъ и всему прочему обществу входъ съ послѣднимъ къ Государю своему цѣлованіемъ: отворена была палата всѣмъ, даже до погребенія, и по вся дни множество людей обоего пола, всякаго чина и возраста стекалось, и свое усердіе къ общему Отцу, плачуще и руку своего Государя цѣлующе, показывали.

Между тѣмъ готовлено, со всякимъ тщаніемъ, вся къ погребенію по о-

предѣленію надлежащая: убрана была въ палатахъ образомъ вышереченнымъ сала большая, въ каменной же церкви Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, (которая въ крѣпости строится) еще не совершенной, временная деревянная церковь, погребенія ради тѣла Его Императорскаго Величества, уготована. Медалы также золотые и серебряные, разнаго вѣсу на вѣчную память таковаго героя и Государя дѣлались, также день погребенія назначенъ былъ Марта 10.

Между тѣмъ, паче народнаго чаянія, жалостная вѣдомость всѣхъ слухи поразила, что въ домѣ Государевомъ къ печали печаль новая прибыла. Малолѣтная дочь Ихъ Величествъ, Наталія Царевна умре: преизряднѣйшая была отроковица, и хотя шести еще лѣтъ, обаче высокаго ума знаки показывала; ибо въ бесѣдахъ многія изрѣченія важныя произносила, овогда же и совѣты нѣкакіе, въ домашнихъ вещахъ, родителямъ подавать показывалась, и неизреченною

утѣхою ихъ услаждала. Преставися Марта Д҃ числа. Изрѣщи же невозможно коль жестоко Ея Величество Государыню Императрицу непрестанно о смерти Государевой болѣзнь, потомъ же и смерть Наталїи уязвила; но и народъ весь въ зѣло великой печали былъ. И такъ въ единомъ времени сугубая скорбь и сѣтованїе намъ купно случились: развѣ, что въ общей о умершемъ Монархѣ печали, смерть дщери Его Величества едва знатна была. Тѣло Ея Высочества Государыни Цесаревны, прежде погребенїя, въ туюжде салу большую внесено, и вмѣстѣ съ тѣломъ родителя изнесено: яко же послѣ скажемъ.

Приходило уже погребенїя время, и вся потребная приуготована, и того ради, въ осьмый день Марта, учрежденныя изъ воинскихъ чиновъ персоны всюду по городу проѣхавъ, имѣя при себѣ знамена, трубы и политавры, день погребенїя народу объявили. И тогда же указъ публико-

вапъ, дабы въ самый день погребенія, и днемъ прежде того, ничего не продавать, кромѣ нужнаго къ пропитанію. Торговыя лавки, волные домы и кабаки были бы заперты; и чтобы нигдѣ не было ни какого шуму и ссоръ, но все честно и тихо было бы: жестоко заказано.

Когда пришелъ назначенный погребенія день; предъ полуднемъ пушечнымъ выстрѣломъ сигналъ учиненъ: отъ чего народъ, о имѣющемъ начатися погребеніи; извѣстился. По полудни же другой и третій сигналъ изъ пушки учиненъ. И первѣе выведены были многіе полки солдатъ, и отъ самыхъ дверей царскихъ палатъ, по берегу рѣки Невы къ почтовому дому, гдѣ главнѣйшая пристань, оттуда же чрезъ рѣку въ крѣпость даже до церкви Святыхъ Апостолъ, по обѣимъ дороги сторонамъ чинно поставлены. Для церемоніальнаго же шествія вся между полками дорога рѣчнымъ пескомъ и еломъ сѣченымъ постлана была, а чрезъ Неву рѣку

на льду устроенъ былъ мостъ съ перилами, чернымъ сукномъ укрытыми: весь пескомъ же и еломъ посыпанъ. Толикое вскорѣ множество народа собралося, что не только по обѣимъ сторонамъ путь широко заключили, но и вездѣ крыльца и по всѣмъ палатамъ окна наполнили, и самыя кровли не праздны были. Собравшіижеся къ той церемоніи на классы раздѣлены были и по домамъ, при пути стоящимъ, тако разставлены, что каждой классъ, видя въ ходу свое мѣсто, безъ труда изойти и предъидущимъ себя поставити могъ бы. Сенаторы, Синодальные съ прочими Эпископы и Архимандритами, Генералы такожде и знатнѣйшіе отъ шляхетства въ самыхъ палатахъ дожидалися. А понеже гробъ, въ немъ же Монаршее лежало тѣло, отъ части широкъ былъ, ниже могълъ изъ палатъ обычными дверьми чинно изнесенъ быть; о томъ за время такъ устроено: среднее въ салѣ окно, на

рѣку зрящее, вмѣсто дверей было употреблено: придѣлано къ нему широкое и пространное снаружи крыльцо, а по обѣимъ его сторонамъ лѣстницы внизъ поставлены, шириною крыльцу равныя. Все же архитектурно сдѣлано и чернымъ сукномъ укрыпо.

Около третьяго часа по полудни ходъ погребальный начался слѣдующимъ порядкомъ: процессіи начало показуя, ѣхалъ на лошади единъ изъ Генераловъ, предъ которымъ шло двадцать пять человѣкъ унтеръ-Офицеровъ, а за нимъ шелъ единъ Маршалъ, которому послѣдовали множество трубачей и литаврщиковъ: за сими ѣхалъ фурьеръ, которому такожде послѣдовалъ единъ Маршалъ, а за нимъ шли пажи и прочїе придворные служители: по сихъ купцы иностранные, а по нихъ депутаты, къ сему погребенїю присланные изъ провинцїй. Каждый классъ имѣлъ своего Маршала. За симъ ѣхалъ другой фурьеръ, а за нимъ шелъ Маршалъ,

за которымъ несено военное знамя. За знамемъ два Полковника вели лошадь любимую Его Императорскаго Величества, на которой въ походахъ своихъ ѣзживалъ: лошадь была убрана богато, съ кустами плюмажными. По семъ несены были знамена съ гербами провинцїальными (которыя провинцїи прежде были собственныя государства или княженїя) такимъ порядкомъ:

Первѣе несено знамя съ Его власной провинцїи гербомъ, за знамемъ лошадь вели, всю черпымъ сукномъ до самой земли оболоченную, съ тѣми гербами по обѣимъ сторонамъ и на лбу. Такимъ же образомъ и прочихъ провинцїй гербы происходили, по чину чести и превосходительства оныхъ. По семъ иныя три большія знамя несли: первое морское желтое, на которомъ двоеглавый орелъ написанъ былъ, штандартъ ботика онаго, который прежде презрѣный, потомъ же отъ Его Величества

по случаю увидѣный, подалъ вину флоту Россійскому. Второе знамя черное, съ гербомъ государственнымъ, золотомъ расписаннымъ, за которымъ ведена лошадь, чернымъ сукномъ покрытая, съ государственными же гербами по обѣимъ сторонамъ и на лбу. Третіе знамя бѣлое, на которомъ написана была эмблемма Императорская: рѣзецъ, дѣлающій статую. Зѣло изрядно было на сіе смотрѣти, понеже больше тридцати провинцій знаменами репрезентовано, кромѣ троихъ большихъ знаменъ: что долгую часть процессіи заняло. По симъ ведена еще лошадь Его Величества, также, какъ и первая, богато убранная, только въ отмѣнномъ колорѣ. Потомъ два латника, единъ на лошади въ латахъ позлащенныхъ, другой въ латахъ черныхъ железныхъ пѣшій; за ними несено знамя печали, большое черное, за которымъ лошадь вся въ черномъ ведена, тожде значущая.

По семъ явилася зѣло пріятная смотрящимъ процессія. Маршалъ единъ шелъ, за которымъ слѣдовало семь большихъ щитовъ; на трехъ изъ нихъ вырѣзаны были троихъ царствъ завоеванныхъ: Сибирскаго, Астраханскаго и Казанскаго гербы; на прочихъ же четырехъ гербы городовъ государственною резиденціею прославленныхъ: Новаграда, Владиміра, Кіева и Москвы; а до нихъ несенъ большой и зѣло украшенный щитъ, на которомъ былъ государственный гербъ большой, а около его меншіе провинціальные.

По симъ предходящимъ, со святымъ крестомъ и хоругвами слѣдовало множество священнаго чина: діаконы и пресвитеры многіе, Архимандритовъ до четыредесяти, Эпископовъ съ Архіэпископами одиннадцать. Пѣвчіе, понеже множества ради не могли бы согласитися въ пѣніи, на три класса раздѣленные, по разнымъ мѣстамъ священному чину сопослѣдовали.

Также по симъ два гроба слѣдовали; первый меньшой, Наталїи Цесаревны, другой большой, самого Государя. Оба были укрыты золотою парчею, надъ которыми, по обычаю, богатые балдахины на серебреныхъ литыхъ штангахъ несены.

Меньшой гробъ нѣсколько человѣкъ Офицеровъ несли; большой же везли осмь лошадей, черным бархатомъ оболоченныя: но не въ маломъ разстоянїи единъ отъ другаго былъ, понеже предъ гробомъ Императорскимъ еще собственная слава происходила. Первѣе несены были внизъ острїемъ четыре государственные меча, потомъ слѣдовали кавалерїи: Польская, Дацкая и Россїйская; за симъ несены были оружїемъ завладѣнныхъ трохъ царствъ короны: Сибирская, Астраханская и Казанская, также регалїи, то есть скипетръ и держава государственная сряду, потомъ корона Россїйской Имперїи, зѣло пребогатая. И сїя первая часть погре-

бальной сей церемонїи была изрядно убранная и свѣтлая; другая же часть зѣло въ своемъ началѣ высокочестная, да безъ внѣшней свѣтлости.

За гробомъ Императорскимъ слѣдовала плачущая Государыня, Ея Императорское Величество, въ печальномъ платьѣ, съ закрытымъ лицемъ черною матерїею, весьма изнемогающая отъ печали и болѣзни. При Ея Величествѣ ассистенты были два изъ Сенаторовъ первѣйшїи. Высокая же Ея Величества фамилїя подобнымъ образомъ, въ такомъ же платьѣ, за Ея Величествомъ слѣдовала таковымъ порядкомъ: въ первомъ мѣстѣ по Августѣйшей Матери шла дщерь Ея Величества, Государыня Цесаревна Анна; во второмъ другая дщерь, Государыня Цесаревна Елисаветъ; въ третїемъ Его Императорскаго Величества племянница, Государыня Царевна Екатерина, Герцогиня Мекленбургская; въ четвертомъ другая Ея Величества племянница, Государыня Царевна Па-

раскевія (сестра Ихъ Высочествъ Царевна Анна, Герцогиня Курляндская, въ Санктпетербургѣ не была въ то время); въ пятомъ мѣстѣ шла Марія, въ шестомъ сестра ея Анна, Нарышкины дѣвицы; въ седьмомъ шелъ Его Королевское Высочество Кароль Герцогъ Голштинскій, въ то время женихъ Государыни Анны Цесаревны; въ осьмомъ Его Высочество Петръ, Великій Князь; по немъ шли Господа Александръ и Іоаннъ Нарышкины, а Великая Княжна Наталія Алексіевна, за приключившеюся немощію, не присутствовала. По сихъ слѣдовали Сенаторскія, Княжескія, Графскія и Баронскія жены, такожде и прочіе шляхетства знатнѣйшаго, и долгую процессіи часть собою составили.

Слѣдовало по сихъ множество изъ воинскаго и штатскаго чина знатнѣйшихъ, и бывшіе въ то время изъ малой Россіи старшины и посадскіе; такожде и изъ купцовъ мно-

жество многое. Каждый же обоего пола классъ своихъ Маршаловъ имѣлъ; на концѣ толикоежъ число, такъ какъ и изъ начала, унтеръ Офицеровъ процессїю заключали.

Когда такимъ образомъ процессїя шла погребальная; происходилъ изъ крѣпости громъ пушечный, не многїй вдругъ, но единъ по другому, чрезъ минуту, разливая нѣкїй печальный ужасъ; такожъ и въ поставленныхъ полкахъ музыка воинская печальныя гласы издавала.

Когда пришли въ церковь; гробъ Императорскїй на амбонѣ пространномъ, бархатомъ укрытомъ, подъ балдахиномъ, а при немъ и гробъ дщери Его Величества поставили. По правой сторонѣ въ церкви мѣсто собственное для Государыни Императрицы и Ея Величества тогожъ полу фамилїи сдѣлано было, перилами укрѣпленное, съ печальною утварью. По лѣвой сторонѣ другое мѣсто, ради Его Королевскаго Высочества Кароля Гер-

цога Голштинскаго и Его Высочества Петра, Великаго Князя, нѣчто меньшее и низшее; тѣсноты же ради и множества народа, дабы чинъ и порядокъ церемонїи не имѣлъ конфузїи, не всѣмъ (безъ выбору) входъ въ церковь позволенъ, ниже самимъ тѣмъ, которые оной церемонїи члены были; но токмо знатнѣйшимъ, и всякому по чину было опредѣлено мѣсто. И тако обычное по уставу погребальное послѣдованїе начато. Между тѣмъ краткое имѣлъ слово Ѳеофанъ, Архїэпископъ Псковскїй, отложивъ пространнѣйшее на иное время, частїю краткаго ради времени и неудобнаго, частїю же опасаяся, дабы слезъ и печали словомъ не умножить, когда и такъ много вопля и стенанїя происходило. А когда церковная церемонїя дѣялася, тогда полки, которые по дорогѣ (какъ выше означено) стояли, выведенные на стѣны крѣпостныя трижды вси выпалили летучимъ огнемъ. По окончанїи же погребенїя изъ всего паки

мелкаго оружїя, такожде и изъ всѣхъ пушекъ въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ вдругъ страшный трижды громъ великїй изданъ. Но сїя и прочая, къ сей церемонїи погребально принадлежащая, нарочно, тщательно и обстоятельно отъ прочихъ описана и публикована суть.

И таковое-то отъ насъ было великому Герою, Государю и отцу нашему послѣднее послуженїе, котораго желали мы паче многолѣтно живущаго и царствующаго видѣть съ радостїю, а не погребальными почестьми украшать въ общей печали и горести.
